

CODEX
CANTARA

Чернов Леонид

Леонид Чернов

Codex Cantara

«Издательские решения»

Чернов Л.

Codex Cantara / Л. Чернов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501651-5

Codex Cantara — художественное произведение, повествующее о войне двух религиозных культов, где действие происходит в вымышленном государстве Миссара в пятнадцатом веке. На фоне этих событий произойдет история любви, захватывающие батальные сцены. В диалогах персонажей будут подняты темы религии, политики, философии, конфликт поколений, поднята проблематика этнизма и нетерпимости. Произведение также может быть своеобразным экскурсом в славянскую, германскую, кельтскую и романскую культуры.

ISBN 978-5-00-501651-5

© Чернов Л.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Часть I	9
Глава I	9
Глава II	11
Глава III	13
Глава IV	19
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	30
Глава VIII	33
Глава IX	36
Глава X	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Codex Cantara

Леонид Чернов

© Леонид Чернов, 2019

ISBN 978-5-0050-1651-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Мне искренне хочется сказать спасибо тем, кто поддерживал меня на протяжении всего создания книги. Родителям, друзьям, коллегам, учителям и преподавателям. Каждый из них внёс свой вклад в результат моего труда.

Кроме того, я хочу выразить благодарность всем культурам, художественным произведениям, предметам искусства и историческим событиям, без которых у меня не было бы материала для написания данного произведения.

Особую благодарность выражаю Валентине Рыбаковой за создание прекрасной обложки для моей книги.

«Жизнь – это только тень, комедиант, паясничавший полчаса на сцене и тут же позабытый; это повесть, которую пересказал дурак: в ней много слов и страсти, нет лишь смысла».

Уильям Шекспир, «Макбет»

Перевод Ю. Б. Корнеева

Пролог

Миссара, город Марибор, весна 1455

Парад подходил к концу. Курсанты мариборской военной академии выстроились в ряд в сияющие церемониальных доспехах. Юноши гордо держали пики, на которые были повязаны разноцветные ленты.

Перед строем прохаживался ректор. Встав напротив будущих командиров, он начал свою речь. Ректор поздравил их с окончанием очередного учебного года. С прохождением половины пути в столь престижном учебном заведении Миссары.

Закончил выступление под громогласный боевой клич молодых ратников:

– Хэй'я!

Виллигерт, сын одного из миссарских военачальников, преисполнился гордости. Ему льстила торжественность мероприятия, слова ректора. А осознание того, что следующие полтора месяца можно потратить на себя, грело сердце. Он уже предвкушал, как родители позволят ему отправиться за океан, – в земли народа, называемого эвстийцами, – на Остров Стрекозы. Там на севере приятный песок, а на юге все сплошь полыхает огнем. Этот архипелаг, по форме и вправду напоминающий стрекозу, прозвали «колыбелью всех культов». Среди тамошних руин ученые мужи искали ответ на вопрос: откуда появились первые люди? Каковы истоки всех вер и культов? И был ли единый первый культ, был ли первый единый язык? Все это великолепие было более чем близко. А пока что этим вечером его с товарищами ждет лучшая таверна Марибора.

Но счастье продлилось недолго. Стоило ему только удалиться в свою опочивальню при академии, как явившийся слуга дрожащим голосом вымолвил:

– Пан Гемеер! Мой дорогой Вилли!

– Что случилось, Ратко? – сын военачальника даже не снял шлем, опешив от взволнованного вида слуги.

– По голубиной почте только что пришла весть. Ваш отец... Пан Виллигельм Гемеер убит в Волчьей Вельке фанатиками святого Валя.

– Дай сюда письмо, – сердце провалилось в пятки.

Послание от коменданта для семьи Гемееров. Немногословное. В нем было сказано, что самые ярые адепты святого Валя устроили бойню в городе. Вешая неверных, громя лавки и жилища. Миссарский гарнизон во главе с Виллигельмом Гемеером тут же стал усмирять восставших. В том бою военачальник и другие солдаты попали в окружение. В итоге, сражаясь до последнего, все они погибли.

Сын павшего ратника не молвил ни слова.

– Позвольте бумагу, пан Гемеер? Я должен сообщить об этом вашей матери. Она в комнате для гостей. Или вы...

– Нет, Ратко, – холодно отрезал Виллигерт, – сходи сам. Я хочу побыть один.

Было невозможно оставаться в четырех стенах, испытывая такую боль. Виллигерт шагал по брусчатке в направлении храма Игольчатого Зверя. Или просто Зверя. Он шел, пытаясь не повесить голову. Его красный плащ развивался на ветру.

Он вошел внутрь храма, в пустой и тихий зал. Дойдя до алтаря, припал на колени перед статуей животного, тело которого было укрыто под броней длинных, тонких игл. Виллигерт поставил меч как опору и положил голову на руку, сжимавшую эфес. Было тяжело дышать.

К нему подошел волхв. Престарелый служитель культа сел на колени рядом с юношей.

– Не сдерживай чувств, отрок.

Виллигерт с горечью рассказал ему о смерти отца. Рассказал еще, что корит себя за слабость и за то, что как раз не может сдержать чувств. Слезы текли, внутри давило. В тусклом свете погас и блеск доспеха, как бы скорбя вместе с Виллигертом.

Волхв напутствовал:

– Каждый миссарец знал и любил Виллигельма. Это был храбрый человек, никогда не нарушавший заветов нашей веры. Сейчас он там, где растет золотой виноград.

Но сын Виллигельма не мог смириться. Было больно.

Тогда в храм зашел человек в лохмотьях и с серой бородой. Припал перед грозной статуей Зверя. Он стоял на коленях и локтями уперся в пол, сложив кисти в замок.

– Это Шевчий, пророк, – пояснил волхв.

И тут из уст старика раздался голос, что заполнил тишину храма.

– Больно юноше, чувствую. Огонь! Огонь горит. Те, что Валу-повешенному кланяются, убивают наших братьев и сестер. Надевают им петли на шеи, попирают нашу веру и оскверняют святыни. Истинно говорю я! Пламя на Волчью Вельку! Пламя на Волчью Вельку!

Часть I

Глава I

Миссара, начало весны 1457

Характерной чертой пророчеств Шевчия было то, что всегда находились те, кто рьяно и с охотой воплощали их в жизнь.

Вскоре после убийства Виллигельма Гемеера на валов, – так называли верующих в Святого Валя, – обрушилось настоящее бедствие. У бедствия было имя – Флориан Гайер.

Вначале не было доподлинно известно, из какого он вообще рода и откуда взялся. Но факты оставались фактами. Флориан в кратчайшие сроки собрал ополчение и нещадно громил культистов.

На руку ему сыграло то, что господствующий на тот момент в средней Миссаре и протекторате Бершка, что на юго-западе страны, культ испытывал самый настоящий крах.

Поборы, лицемерие и жестокость стали определяющим фактором восстания. Когда проповедник с символичной петлей на шее рассказывает о блаженной бедности, об очищающем безденежье, а сам бывает замечен в золотой карете, направляющейся в сторону борделя, осознание лживости его слов злит. Честный труд забирает много сил, а культ еще и пятую часть от дохода. Перейти в другой культ фактически невозможно. Особенно бедняку, так как это требует денег и испытаний веры. Да и это просто опасно, зная, как нетерпимы адепты святого Валя. Феодал же либо глух к просьбам о защите, либо сам тесно повязан с культистами. От безысходности и понимания беспомощности многие взялись за вилы.

А печально известная резня в Волчьей Вельке только подлила масла в огонь.

Тогда-то и объявился повстанец Флориан Гайер со своим Черным отрядом. Неуловимые конники налетали на святыни, обнося их до чиста. Богатства делили меж собой и местными жителями. После чего они сжигали постройку культа с криками:

– Пустим по крыше храма красного петуха!

На фоне горящих часовен раздавалось пение:

*Мы – Черный отряд Гайера
Хэй'я, хо-хо!*

Никто не уходил от мести Гайера. И, говорят, даже король Миссары – Пирон Крепкий – не мог или не хотел останавливать Черный отряд.

Как-то в один из налетов бравые бойцы выволокли из-под лавки священника и вывели из храма во двор. Его привели к командиру.

– Присаживайся, – радушным жестом указал Флориан Гайер на траву.

Священник стоял без движения. Позади же него был высоченный бугай, который пнул трясущемуся мужичине под колено. Волей—неволей священник сел. Гайер отстегнул с пояса меч, отдал подручному. Сам же присел на корточки.

Он вдохнул полную грудь воздуха. Посмотрел по сторонам. Партизаны чинили погром.

– Знаешь мое имя, вал?

Священник оскалился.

– Знаю.

– А почему мы называемся Черный отряд знаешь?

Тот молчал.

– Ну, я расскажу. У нас, в миссарской культуре, свой символизм цветов.

– Я – бер, а не миссарец. Мы, жители Бершки, не такие как вы.

– Что ж ты в своей Бершке не остался со своими берами? – рассмеялся детина, что стоял у него за спиной.

– Разговариваешь на миссарском языке, живешь в Миссаре, – стал загибать пальцы Флориан. – И не говори, что Бершка – не Миссара. Миссара. Что ни на есть.

– Твоя правда, – огрызнулся священник.

– Так вот. Назови себя хоть бером, хоть пэром, хоть чертом рогатым, ты все равно миссарец. Поэтому напомни мне, что значит черный цвет.

Стоящий на коленях мужчина презрительно прожигал Флориана глазами.

– Гжегож, – Гайер подал знак бугаю.

Шлепок по голове отозвался эхом по округе.

– Мечь, – сдавлено проговорил плененный.

Затем он стал зло шептать проклятья. Гжегож замахнулся для нового удара, но Флориан остановил его взглядом. Священник поднял взор на командира.

– Ты говоришь, что нет между нами разницы. Что мы один народ.

– Да. И только вера в Валя нас разъединяет. И порождает этнизм.

– Хочу напомнить тебе, как «истинные» миссарцы резали несчастный народ Бершки. Резали на протяжении последних нескольких сотен лет. Отбирали еду, присваивали себе лучшие места. И конечно, это не порождает этнизм.

Он набрал воздуха.

– Вам, миссарам, не дает покоя, что в отличии от вас есть люди работающие. Вы – лентяи, завистники. И поэтому для вас главное – обобрать, унижить. Вы – бандиты, не способные созидать, не способные ни на что, кроме грабежа.

На секунду воцарилось молчание. И раздался оглушительный гогот. Смеялись все, кто находился рядом. Кроме священника.

– Ну, рассмешил, твое святейшество, – заключил Гжегож. – А ты точно не с зеркалом разговаривал?

Гогот разразился с удвоенной силой.

– Довольно! – остановил гул Гайер. – Ты высказался и молодец, бер. А теперь заткнись и слушай. Это место я выбрал не случайно. Мы на границе основной Миссары и протектората Бершка. Посмотри на моих людей. В моем отряде обычные крестьяне в поисках справедливости. Как и из Миссары, так и из протектората. Ты даже не представляешь, сколько разных культов исповедует каждый из нас. Есть даже парочка тех, кто верит в сотворение мира из небесной пыли или чего-то в этом роде. А знаешь почему мы не враждуем между собой? Потому что все культы могут жить в нашей стране в мире, кроме вашего. Мы, такие разные, гнем вашу веру как сильный ветер гнет соломку. У каждого из нас есть цель и есть мотив. Мотивы разные, а цель – наказать вас. Зарвавшееся племя лицемеров, ханжей и мразей. Эти люди устали терпеть угрозы семьям, устали от непомерной дани в вашу пользу. Устали видеть расправы на над теми, кого вы записываете в отступники.

Флориан с секунду помолчал.

– Мы не воюем с берами. Мы воздаем с полна культистам вздернутого хер знает сколько лет назад божка. Эти слова скажешь своим друзьям в Волчьей Вельке. Куда немедленно отправишься. И еще передай слова пророка Шевчия: «Пламя на Волчью Вельку!».

Глава II

Спустя несколько дней, когда священник добрался до Волчьей Вельки и рассказал все местной общине слово в слово, валы забили тревогу. Местные гарнированные лишь презрительно ухмылялись, слушая мольбы о защите.

Еще через несколько дней многострадальная Волчья Велька запылала огнем. Никто не остановил врывающихся в город Черных плащей. В цитадели гарнизонные собрали всех, кто хотел жить. Но культистам Валя в доступе отказали. Не без опаски укрывшиеся за стенами взирали с башен на все новые и новые факелы храмов.

*Мы – Черный отряд Гайера
Хэй'я, хо-хо!*

Пение налетчиков и их боевой клич пронеслись по улицам города.

Сам Флориан скакал на жеребце и сражал мечом тех, кто попадался под руку. Стоит сказать, валы без страха шли на врагов с вилами, мотыгами и всем, что могло сойти за оружие.

Но Гайер и его люди бились без устали. К утру городок был залит кровью и осыпан пеплом.

Пропели первые петухи. Пахло костром. Вышедшие из цитадели солдаты отметили, что ужасы войны коснулись в основном только религиозных сооружений. Гарнизонные и партизаны встретились в нижней части города. Последние пировали и заливали глотки в корчме.

Капитан Хмело со своими подручными встали у входа в таверну. На ступеньках чокались пивными кружками двое мужчин.

– Вам чего, пани? – небрежно кивнул один из погромщиков.

Солдаты положили руки на мечи. Хмело хмуро молвил:

– Хочу видеть вашего командира. И поаккуратней с выражениями, чернь. Ты говоришь с дворянином.

– Панове, минутку, – вмешался партизан более благоприятного вида. – Гжегож, ты что?! Забыл, о чем командир говорил? К гарнизонным относиться подобающе и без инсти... ин-синуаций, во! Итак, слушаем вас, пан...

– Лука Хмело, командир гарнизона.

– Пан Хмело, прощения просим за нерадушный прием. Командир сейчас будет.

С этими словами он удалился. Гжегож пожал плечами и продолжил пить.

Флориан не заставил себя ждать. Выйдя на порог, он широко распростер руки:

– Приветствую, комендант!

Лука Хмело широко же раскрыл глаза.

– Это правда, – прошептал он, – и вправду...

– Пан Хмело, на пару слов, – перебил его Гайер.

Они шли вдвоем, а солдаты и партизаны сопровождали командиров далеко позади. Две группы воинов с недоверием смотрели друг на друга. Разговора они не слышали.

Хмело все же старался говорить тихо.

– В последний раз видел тебя лет этак в пятнадцать. Как ты вырос.

– На пару вершков.

– Я скорее говорил про взгляд.

Гайер перевел тему:

– Как кладбище? Слышал про новую реформу от волхвов Зверя? Чтобы похороны были максимально простыми, а все памятники разносились по домашним усадьбам.

– Я думаю, это связано с уплотнением. Ничего не делается просто так. А с местным кладбищем все в порядке. Даже погромы почти обошли его стороной.

Дошли молча до большого могильного камня, на котором был изображен Игольчатый Зверь, свернувшийся в круг. На постаменте стоял выбитый из камня мужчина в доспехах.

Флориан вздохнул:

– Наша вера предполагает одну из философских концепций. Зверь с иглами внушительен на вид. Любой хищник расцарапает себе пасть, нежели доберется до мяса. А что, если иглы остры в обе стороны? И нанося урон своим врагам, Зверь сам чувствует боль, и не меньшую. Ученые мужи могут оспорить, если говорить про животное. Но настолько ли они ученые, что не понимают, что речь идет о человеке?

– Может они оставляют эти мысли философам... Слушай, друг мой, я понимаю. Он был достойным человеком, – Лука сострадательно покачал головой.

– Позволь тебя спросить, Лука. Мог ли ты спасти его тогда из передраги? В то время ты ведь был его заместителем. Когда его зажали, ты пошел к нему на помощь?

Лука сглотнул.

– Конечно. Не жалея себя, мы рвались по этим тесным улочкам к нему на подмогу. Но не успели.

Флориан нахмурился, украдкой глянул на могильный памятник.

– Знаешь, что бы то не было, – впился он глазами в коменданта, – я и мои люди благодарны тебе. Ты не препятствовал нам, укрыл невинных. Хотя может не всех и не только невинных. Но да гори оно. Ты нам помог. Спасибо.

Лука Хмело кивнул. Гайер сказал:

– А теперь я хочу постоять подумать. Один.

Его оставили. Никто не видел, как он, сидя на колене, что-то рассказывал могильной плите.

Вскоре Черный отряд покинул Волчью Вельку. Флориан Гайер приказал нашить на черные плащи золотую молнию. По миссарскому символизму цветов это означало месть свершенную.

Глава III

Запад Миссары, конец весны 1457 года.

Казалось бы, на этом все. Конец. И Флориан прекрасно это понимал. Уже несколько лет он партизанил по всей Миссаре. Несколько лет отбирал людей для штурма Волчьей Вельки: апогея мести Черного отряда культистам Валя. Но истории черных плащей с золотой молнией, похоже, не суждено быть продолженной. Вскоре все они станут обычными бандитами без всякой цели, кроме насилия и пьянства. С Черным отрядом пора было заканчивать. Гайер думал, как расхлебать эту кашу, которую сам и заварил.

И тогда подвернулся случай.

Партизаны трапезничали на постоялом дворе у западной границы Миссары. До Брунгильда, – страны, западного соседа Миссары, – было рукой подать. Корчмарь, явно из брунов, напевал песенку на родном языке. На дворе почти стояло лето. Зной и остывшее пиво клонили в сон. Флориан развалился в кресле. Кто-то спал в бадье с водой, высунув пятки. Кто-то неспешно полировал меч точильным камнем. Полуденная скука.

Как двери корчмы распахнулись. В залу влетел мужчина, весь обмазанный сажей. Тут все подскочили, хватаясь за оружие.

– Да что ж это твориться-то! – рвал на себе волосы мужчина. – Висельники совсем страху потеряли. На Кипариску нашу напали. А у нас же посольство заморское.

Гайер не стал дальше выслушивать эти причитания.

– По коням! Все на Кипариску.

Бывалые ратники в считанные секунды собрались. Кони были оседланы и Черный отряд мчался на помощь несчастной деревне.

В Кипариске, приграничной деревушке, бушевала бойня. Почти половина хат горела. Миссарские солдаты замертво лежали на земле. В пекле и огне рубились крестьяне и на их стороне рыцари с гербами иностранных дворянских домов. Последние прибыли с севера, из далеких земель древних кланов. Людей из тех земель называют арфами. Сами иностранцы и не думали, что стоит им пересечь границу, как на них нападут культисты Валя. Адепты религии, про которую на туманных островах почти ничего и не знали.

В этой битве у валов было значительно преимущество в числе. Местные жители и рыцари из далекого края отступали к часовне Зверя.

– *Cosain an bhaphrionsa!* (*арфский обций*. Защищать принцессу!), – командовал один из рыцарей своим певучем голосом.

Несколько латников тащили на себе раненных товарищей, а пикинеры и арбалетчики прикрывали отход. Все, кто добрался до часовни, забаррикадировались внутри. У алтаря за спинами высоких рыцарей стояла девушка в короне как будто сплетенной из белоснежных веточек. Принцесса Гинерва из рода О'Кили не сильно уступала ростом даже самому высокому из рыцарей. Она обратилась к командиру, разговор шел на родном им языке:

– Конор, дай мне арбалет. Я умею стрелять.

– Знаю, моя принцесса – рыцарь поднял забрало. У него был глубокий шрам над бровью. – Ведь это я вас учил. И все же. Вы под защитой лучших рыцарей Короля, моя принцесса. Не бойтесь.

– Отбрось церемониал! – топнула ногой Гинерва. – Мы не на турнире, говори нормально. И мне нужно оружие.

Конор прикусил губу, смотря в ее синие глаза. Удержал взгляд и бросил своим бойцам:

– Дайте щит.

Ему передали один из щитов с красивейшими арфскими орнаментами. Он отдал его принцессе.

- Не подведи меня, девочка. Не хочу, чтобы мои уроки прошли даром.
- А арбалет не дам, – осадил он ее вызывающий взгляд, – на бойницы не пушу.

Гинерва фыркнула, но подчинилась. Сверкнуло лезвие. Это она достала из ножен Конора кинжал. Тот посмотрел на нее с пушей строгостью.

- Чтоб это было в последний раз.

Та кивнула.

Тем временем вокруг часовни нарастал гул. Коносор отдал приказ своим арбалетчикам занять позиции у окон-бойниц.

Стены часовен и подобных строений в те времена закладывали так, что даже маленькая молельня могла быть использована в качестве оборонительного сооружения.

Именитые рыцари Круглого стола короля Диллиона уже были готовы биться как обычные солдаты. В том смысле, что они отбросили церемониал и правила рыцарской речи. За каждым выпущенным болтом следовало ругательство. Впрочем, язык арф настолько музыкален, что придавал этому определенный шарм.

Коносор орал на миссарских мужиков, едва ли зная язык:

- Крепить! Проезд! Из враг!

Миссарцы проявляли сообразительность и перевели это как: «Держите проход от врага».

Тем временем снаружи часовню со всех сторон осаждала ганза культистов. Это была не просто кучка фанатиков, совмещающих бандитизм и религиозное рвение, а хорошо вооруженный отряд.

И без страха они шли на штурм и падали под ударами болтов, которыми их осыпали из бойниц.

Тогда командир ганзы дал приказ:

- Несите бомбы, взорвем стену!

У защищающихся заканчивались болты для арбалетов. Увидев, что стреляют не так часто, валы осмелели и пошли в новую атаку.

- Нечем стрелять, Коносор, мой друг, – крикнул один из рыцарей у бойницы на арфском.

- Mo chreach! Виага! (*арфский общий*. О, горе! Бомбы!)

Снаряды полетели в сторону часовни.

Коносор приказал рыцарям отходить от бойниц. Грохот и поднимающаяся пыль не заставили себя ждать. Решив бросить затею выбить двери, валы взорвали стену.

Рыцари и крестьяне стояли плечом к плечу. Небольшому числу оборонявшихся пришлось занять позицию в дальнем углу часовни. За их спинами прятались женщины и дети.

Гинерва же рвалась в бой.

- Назад, пошла назад! – Коносор отстранил ее рукой.

- Так зачем ты меня учил сражаться на мече и всему прочему?

Ответа не последовало.

Культисты стали заходить внутрь.

- Socraigh spíci! (*арфский общий*. Пики наперед!) – рявкнул командир арфских рыцарей.

Латники оцетинились копьями. Крестьяне последовали их примеру и выставили вперед вилы.

Сразу несколько идущих вперед фанатиков оказались насаженными на колья. Увы, строй удалось удержать совсем недолго. Древки ломались, а врагов не становилось меньше. Обнажили мечи и укрылись за щитами. Началась настоящая мясорубка. Железо не звенело – выло.

По запаху кострища и клубам дыма в небе Черному отряду было нетрудно понять, куда держать путь. Они мчались через лес, через опушку и снова лесом. И были уже близко.

Продравшись через ветви, конные ворвались в Кипариску внезапной и стремительной волной.

- Руби их! – махнул мечом Флориан, заходя в тыл к валам.

– Хэй'я! Хэй'я! – здоровался Черный отряд.

Опешившие культисты поздно спохватились, когда в их тылах уже орудовали люди Гайера.

Флориан увидел перед собой осажденную часовню и что-то стукнуло внутри.

– На часовню! Дави их!

Внутри валы насаживались на пики, резались клинками, а снаружи лошади давили их копытами.

– Натиск! – прорубался сквозь толпу Флориан.

Впереди ждала бедная часовня. И снаружи было видно, как она сыпется, а шпиль крепится. В стене зиял пролом. Слишком узкий для лошади, но там и камень на камне не стоял.

Гайер на полном скаку прикрыл глаза своему скакуну и пришпорил животное что есть силы.

Внутри постройки рыцари и крестьяне были зажаты в угол. Многих уже убили. Павшие латники лежали в своих искореженных доспехах на телах поверженных врагов. Остальные сдаваться не собирались. Взъерошенная, в запыленной походной одежде арфская принцесса держала перед собой щит. Ее клинок был испачкан кровью. Перед ней держали щиты два рыцаря: остальных оттеснили от девушки. Бойцы принимали на себя такой град ударов, что сделать ответный выпад было невозможно.

Боевой дух валов оставался на подъеме. Даже не смотря на потери. Их командир тщетно пытался достать Гинерву булавой.

В конце концов двух рыцарей прижали к земле и на мгновение девушка осталась открытой. Булава обрушилась на Гинерву, но та подняла щит, как учил ее верный Конор. Этот удар как минимум сломал бы ей руку. Но человек, что клялся королю Диллиону защищать принцессу, человек, что сделал из девочки клана Эйри воительницу, не подвел и сейчас.

Конор кинулся под булаву культиста, пытаясь заодно нанести колющий. Но командир наступавших успел первым. Удар был нанесен с такой силой, что пробил латы, переломав ключицу и шею. Оружие осталось в доспехе. Культист вырвал булаву из брони, откинув тело воина в сторону. Теперь Гинерве никто не сможет прийти на помощь. Вал легким движением вырвал щит из рук принцессы, замахнулся для нового удара.

Как в эту секунду стена позади фанатиков рассыпалась, словно в нее бросили очередную бомбу. В часовню ворвался всадник, сбив лошадью двоих.

На секунду все пришли в замешательство. И в тот же миг конь подскочил к командиру валов. Флориан рубанул с плеча и снес голову неприятелю. Тяжелая булава выпала из рук, стукнулась об пол.

Спаситель подал руку арфской девушке. Та подала свою. Гайер вывез Гинерву из часовни, что вот-вот бы развалилась. Те, кто защищался, ободрились и прорвались через врагов наружу. Тогда командир Черного отряда приказал своим окружить проход. Так охотники стали жертвой.

Вскоре наступавшие сдались. Остатки валов выходили из часовни, бросая оружие на землю с поднятыми руками. Ратники из Черного отряда несли на плечах крестьян и рыцарей. Живых и мертвых.

Пейзаж после битвы был непригляден для всех. В большей степени для культистов. Пленные, они сидели в живом кругу, связанные по рукам и ногам. А перед ними стояли готовые их разорвать крестьяне и люди Гайера.

Черный отряд сильно поредел. Флориан хмуро смотрел на своих друзей. Он знал, что, как в знаменитом театре эвстийского рекса Урамануса, комедия пришла к своей фините. Да, решено. Черным плащам с золотой молнией больше не быть. Гайер бросал взгляды на принцессу с загадочных земель кланов арф.

Что касается иноземцев, то и им было не до веселья. Восемь из двенадцати рыцарей погибли. Остальные, взяв у деревенских лопаты, копали могилы своим братьям. В их стране даже благородные не брезговали самолично хоронить близких. А уж тем более, если речь шла о рыцарской солидарности. Арфские воины вырыли могилы вблизи леса.

Гинерва склонилась над телами восьми высоких мужчин и оплакивала их. Поблизости не было никого, кроме арф. Ее никто не собирался осуждать за слезы.

Жители Кипариски хватались за головы, падали на колени и всячески горевали по своей разоренной деревне.

Через какое-то время к ним подошел один из рыцарей попросить ведро с водой и тряпок.

Получив это, он возвратился к своим. Начал раздавать тряпки остальным латникам, когда Гинерва тоже протянула руку.

– Banphrionsa, níl aon riachtanas ann. (*арфский общий*. Принцесса, в этом нет необходимости)

– Beidh me. Tabhair dom é. (*арфский общий*. А я буду. Давай сюда)

Она взяла тряпку и вместе с остальными отмывала доспехи погибших от крови. Доспехи арф сияли узорами, изображавшими природные мотивы: деревья животных и все в этом роде.

Когда все было готово к погребению, из седельных сумок достали клетчатые платки разных цветов. Каждый цвет принадлежал конкретному клану.

На Гинерву легла обязанность накрыть тела, заблаговременно спущенные в могилы. Держась, как подобает дворянке, она покрывала героев цветами их родов. Над каждым она произносила прощальные слова.

Четыре зеленых платка – клан Эйри, правящая династия. Семья О'Кили была как раз из него. Один фиолетовый – клан Дуглас, проживающий в высокогорье на западе. Два желтых – из клана О'Тулле с восточного побережья. И один красный. Это был цвет наставника и учителя Гинервы. Конон из клана Морриган, что с южных границ королевства. Клан Морриган первым принял на себя удар эвстийцев с Острова Стрекозы, когда те столетия назад беспрепятственно разгуливали по континенту. И этот же клан давал отпор бесчисленным высадкам брунов в более поздние времена.

Сердце девушки разрывалось на части, когда лицо Конона закрывал багровый в клетку платок. Ей было трудно стоять на ногах. Слезы снова текли из глаз, а она пела свою грустную песню. Хотя для знающих язык арф это было прозаичное прощание.

В конце концов она обратилась к рыцарям на родном языке:

– Всего нас осталось пятеро. Ни оруженосцев, ни миссарского эскорта. Нам придется справляться без них.

– Теперь за главного вы, Мак Нерли? – обратилась принцесса к самому старому рыцарю цветов клана Дуглас.

– Да, дитя, – ответил мужчина с рыжими бакенбардами.

– Вот мое слово. Сейчас надо закопать могилы, а после... Собрать провиант у местных крестьян. Взамен оставим денег, сколько требуется. После навьючим лошадей – некоторые арфские скакуны остались живы. И выдвигаться к Милораде. Хотя, уверена, миссарские рыцари встретят нас раньше и дадут защиту.

– Но, дитя, почему бы не дожидаться следующего эскорта здесь?

– Мы должны выдвигаться, иначе может стать только хуже. Здесь нет стен, нас мало. Кто сказал, что они не нападут снова. Попасть в засаду на большаке тоже вероятно, но остаться тут как на ладони...

– Дитя, если уж и идти, то в Брунгильд, на запад. Там безопаснее и ваш отец дал приказ.

– Дал приказ привести меня в Милораду, – резко отрезала она. – Нет. Мы должны прибыть в миссарскую столицу, иначе...

И тут ее взгляд помутился, лицо стало менее сосредоточенным, как бы отстраненным.

– О, боги. Дитя.

Мак Нерли нежно взял Гинерву за плечи и поспешил отвести подальше за деревья. Рыцарям он приказал никого не подпускать.

Арфы скрылись за растительностью. В лесу через кроны древ живописно пробивался солнечный свет. Один из рыцарей постелил свой платок на поваленное бревно. Мак Нерли аккуратно усадил девушку. Та смотрела на верхушки деревьев не отрывая глаз. Рыцари окружили ее, наблюдая за тем, чтобы никто не заявился.

Они хорошо знали этот дар-проклятье их госпожи, потому что многие из них воспитывали ее с самого детства. В такие моменты считалось, что боги – Туатха де Кулан – говорят с ней. Но, пребывая в трансе, человек уязвим для демонов глубин – фоморов. В такие моменты даже рыцари чувствовали свое бессилие. Когда она пребывала в другом мире.

Гинерва смотрела на кроны. Как они колышутся на ветру. И могла, как ей казалось, примечать закономерности в их движениях. Это не ветер. А чья-то воля, чей-то умысел. Все навязчивее и навязчивее становилось желание во что бы то ни стало разгадать этот секрет. А с желанием нарастала и тревога. Погружаясь все глубже в поисках разгадки, она видела перед собой как сгущается тень.

Тем временем Флориан докуривал трубку, пребывая в раздумьях. Перипетии мыслей раз за разом приводили к одной развязке:

«Надо идти с арфами, – думал он. – Это ведь посольство и причем высокопоставленная. Если эта та, о ком я думаю... Принцесса Гинерва О'Кили. Дочь короля Диллиона. А, была не была!»

Он потушил трубку, встал с травы, отряхнувшись.

– Коли наш любимый король Пирон не справился с сопровождением, пусть за это возьмется Черный отряд, – сказал он тихо.

Гайер направился в сторону леса.

– Командир, – окликнул его Гжегож, – скоро в путь?

– Скажу позже.

Гинерва же блуждала во тьме. Не было ни света, ни звука. Она вытянула руку и шла сама не зная куда. Было страшно.

И тут еле слышное журчание. Звук все нарастал и нарастал. Значит направление правильное. Глаза болели, пытаясь хоть что-то высмотреть.

В конце концов ее поиски увенчались успехом. Звук струящегося потока привел ее к ручью. Носком высокого сапога она наступила в воду.

И кромешную тишину разорвали новые звуки. Отвратительные, страшные рыки арфских демонов. Сердце Гинервы забилося чаще, дыхание стало прерывистым. Усилием воли она сдержала крик.

Вдруг у уха что-то прошипело. Принцесса отпрянула в ужасе.

– Фоморы, – резко оглядывалась она по сторонам.

Злой звук удалился. Секунда напряженной тишины. Лишь узкий ручей тихо журчал во тьме.

Как топанье и пронзающий рык стали вновь резко приближаться к ней. Она взвизгнула, упав на колени.

– Конор! – взмолилась она. – Спаси!

Что-то страшное несло на нее из темноты. Ей осталось только кричать. Девушка сжалась от бессилия и ужаса. Фоморы, – демоны глубин, – хотели ее крови. Она чувствовало их ледяное дыхание. Чувствовала, как демоны тянут к ней когти.

Как яркая вспышка разверзла тьму. Павшие воины пришли отдать последний долг своей принцессе. Погребенные рыцари разили мечами тварей, парировали расписными щитами удары. Латники бились без страха и зарубили фоморов, что вот-вот бы разорвали девушку.

– Гинерва, – Конор протянул ей руку, – все кончено. Демоны далеко во тьме.

Та приняла руку и поднялась. Перед Гинервой выстроились ее преданные защитники.

– Помни, чему мы учили тебя, – Конор снял шлем.

– Конор... – глаза девушки были полны теплотой и обожанием.

– Прошло время для слез, моя принцесса. Мы уходим. И уходим навсегда. Ты – взрослая, ты – воительница. Не забывай наши уроки, не забывай нас. А теперь глянь на отражение в воде.

Гинерва наклонилась к глади. На противоположной стороне на нее смотрело лицо, похожее на ее. Лицо чужачки было расписано краской со лба до скул. Боевой раскрас, что в былые времена наносили на себя арфские воители. Лоб стягивал широкий обод, что не давал волосам спадать на лицо. Девушка в отражении была облачена в древнюю арфскую броню с клетчатой рубахой.

Гинерва узнала себя. И та, что в отражении, сказала ей:

– Ничего не бойся, коли ты воительница.

Принцесса подняла взгляд с ручья на рыцарей.

– Я клянусь вам, что буду сильной. Я не подведу вас.

– Не подведи себя, принцесса, – ответил Конор. – Вот совет перед тем, как мы уйдем. Скоро ты снова увидишь того миссарца. И он предложит помощь. Не отвергай его просьбы и не прогоняй. Впереди у вас много общих дел. Но помни: если ты будешь слаба, он же тебя и погубит. А теперь прощай, мой принцесса!

– Прощай, моя принцесса! – вторили ему все рыцари разом.

– Прощайте, друзья! – с грустью помахала она рукой верным воинам.

И те исчезли. Как и тьма. Лишь деревья качались на ветру.

Глава IV

Гинерва сидела на поваленном дереве. Услышала, как один из ее рыцарей с кем-то громко препирается.

– Быть нет проход, – выражался он на ломаном миссарском.

– Послушай, мне просто нужно поговорить с вашим командиром или получить аудиенцию у принцессы, которую я, напомним, спас. Посмотри на меня: я без оружия, пришел один.

Но верный арф был непреклонен.

Тогда Гинерва сама вышла из-за деревьев в сопровождении остальных. Она двинулась ближе к спорящим, дав знак трем рыцарям, что все в порядке. Гинерва тут же узнала его. Молодой, статный, куда выше обычного миссарца, хоть и не под стать арфу. В споре с Мак Нерли был виден его напор и уверенность.

– Мак Нерли, – подошла она совсем близко. – Этот господин спас мне жизнь. И с нашей стороны было бы неблагородно, а уж тем более неблагодарно, оставить этого ратника без внимания.

Все слова она произнесла на чистом миссарском. Немного певуче выговаривая некоторые слова.

– Защищал я вас, принцесса, – ответил Мак Нерли. Тоже на миссарском.

Девушка обратилась к гостю:

– Принцесса Гинерва О'Кили из клана Эйри, что правит Землей Арф. Дочь Короля Диллиона.

Мужчина грациозно и умеючи поклонился. Улыбнулся.

– Флориан Гайер, из народа.

Она сощурила глаза, улыбнувшись в ответ уголками губ. Пригласила пройти. Один из арфских рыцарей попытался возразить, но Гинерва резонно предложила сопровождать ее и миссарца.

Они шли вдоль леса.

– Я много слышала о тебе и твоих людях. Да-да, не удивляйся. У меня на родине почти все, при дворе и не только, слушают баллады о прекрасном рыцаре из Миссары и его верных всадниках. Защитниках сирот и убогих.

Несмотря на то, что в ее интонации было слабо различимое подтрунивание, она проявляла уважение к ратнику.

– Это приятно слышать, госпожа, – улыбнулся миссарец. – Признаю, не знал, что в ваших землях Черный отряд так популярен. Учитывая насколько ваша страна закрыта для других культур и вестей.

– Если знать историю наших кланов, то будет ясно, что неспроста. Но все же некоторые вести до нас доходят. И я не про разведку. Твой отряд, Флориан, чем-то напоминает Друзей Кулана с последним во главе. Это он вытеснил эвстийцев, этих южан, из моего края. Сбросил их в море и освободил мой народ много веков назад.

– Арфы поклоняются культу Туатха де Кулан. Я правильно понимаю, что это в его честь?

– Именно. Наши герои после смерти становятся богами. Но мы отвлеклись. В начале своего дела Кулан был совсем один. И только несколько человек поддержали его. Да только били они эвстийцев как сотня ратников. И видя их смелость, люди стали вставать под знамена Кулана. День за днем Земли Арф становились все свободнее. А отряд Кулана, как снежный шар катящийся по снегу, становился все больше и больше. В конце концов набралась целая армия. Называлась она – Друзья Кулана. Много людей погибло в те годы. Поэтому для нас память о тех днях так сакральна. И поэтому мы так любим истории про то, как несколько не побоялись встать против многих. Откуда бы эти истории не приходили.

Флориан прокомментировал:

– Скажу, что это – честь. Получить такую рекомендацию в адрес моих людей от Вашего Величества.

В этот момент он осознал легкую иронию последних своих слов, разговаривая с девушкой почти на голову выше его.

– Должна сказать, Флориан, ты довольно высок для миссарца.

– Кто знает, может миссарцы происходят от цвергов, а не от светлых альвов как арфы, – добродушно пошутил он.

Гинерва же становилась все смурней. Она никак не могла забыть свою тоску по Конору и рыцарям, что защищали ее до последнего. Глаза стало щипать и к горлу подходил ком. Когда почувствовала, что это видит Гайер, она остановилась и обратилась к нему сухо:

– Я и рыцари Круглого стола благодарны тебе. Теперь я хочу знать: куда вы держите путь?

Флориан понял, что лучшего момента для завершения дел Черного отряда не предвидится. Отряд должен быть распущен, а ему, Гайеру, пора отправляться в Милораду. Он ответил ей:

– Мы намерены идти рядом с арфскими рыцарями и их прекрасной принцессой. В столицу.

– Так и быть. Я рада, что ты сам предложил, не ставя меня на место просителя.

– Принцессы не просят, – кивнул миссарец с улыбкой.

Сборы были скорыми. Навьюченные лошади ждали своих всадников.

Прямо перед отъездом к Флориану подошел один из местных.

– Как же нам быть-то? Все в пепелище. Мы сами по себе, стал быть?

– Да, – командир Черного отряда был немногословен. – Бояться нечего. Вряд ли сюда кто-то еще заявится. Отстраивайтесь, похороните кого не успели. Пока можете использовать пленных в качестве рабов. И вот мое слово: скажу, кому надо и сюда пришлют строителей, земледельцев. В общем, всех и все, что необходимо.

– Да будет на вас удача, пан! И на ваших молодцах. Токмо, как бы все побыстрее.

Арфы и Черный отряд отправились в Милораду. Впереди предстоял долгий путь.

Кипариска осталась стоять в пепле, по которому копошились крестьяне. У лесочка было восемь могил – то лежали арфские рыцари. А их оруженосцы, слуги и все остальные удостоились лишь общей могилы. То было ужасное время, когда благородному отдавали неслыханные почести, а бедняк или чуть выше получал лишь забвение.

Глава V

Они были в пути. Солнце, или как его называют миссарцы Коло, клонилось к закату. Рыцари из заморского края блестяли пусть и запыленными доспехами с изображенными на них деревьями и животными.

Поход продолжался. Ночевать решили в корчме на хуторе, мимо которого проезжали. Но это был первый и последний раз, когда они заходили в людное место на постой. Странники старались сохранить конспирацию, однако не особо удачно.

– Пан Флориан и его витязи! – приветствовал их корчмарь, когда все зашли внутрь. – А это кто с вами? – изумленно развел руками хозяин.

– О! Пани! Вашей красоте позавидует любая, – расплавился он же, выходя из-за стойки и направляясь прямо к Гинерве.

– Позвольте поцеловать вам ручку хотя бы, – это по сути не было вежливой просьбой, а заявлением о намерениях.

Видя все это вероломство, один из рыцарей приложился к мечу.

– Стоять ты!

Далее шло замысловатое арфское ругательство. По крайней мере так показалось Гайеру. Он решил вмешаться. Встав между двух огней, а точнее между бушующим пламенем и утасующим огоньком, миссарец выставил руки в стороны мужчин.

– Рыцарь, опусти меч, – примирительным тоном молвил Флориан. Он надеялся, что кто-нибудь это переведет. – Ванек, стой где стоишь. Госпожа, – Гайер бросил взгляд на принцессу, – вы же слышали какие мы миссарцы гостеприимные?

– Слышала. Но пока впечатления спорные.

На самом деле это было сказано совсем без злобы.

– Ванек, – продолжил дипломатию Флориан, не опуская рук, – наши гости, которые в доспехах, несколько сдержаны до приветствий. А девушка очень скромна. Так что распорядись дать им лучшие комнаты наверху. А мы с тобой пока отойдем поговорить.

В итоге перевод не понадобился. Арфский рыцарь убрал руку с эфеса. Хозяин заведения нервно покачал головой, суетно зашагал в тихий угол.

Но инцидент не остался без внимания. Вся корчма уже уставилась на вошедших. Командиру Черного отряда это не понравилось.

«Плохая была затея».

Вскоре гостей проводили наверх, а Флориан разговаривал с Ванеком.

– Думаю, ты знаешь, как мы ценим твою таверну.

– О, еще бы, пан Гайер. Не ваш Черный отряд, и валы превратили бы мою жемчужину в пару угольков.

– Да, я помню. Не каждая корчма имеет молельную комнату, где путник может провести обряд для нашего Зверя.

– Да не упадут иголки с его спины!

– Именно. Так вот. Мы двинемся завтра как свет. Лошади должны быть напоены-накормлены. Люди тоже. Еще нам понадобится провиант в дорогу.

– Позвольте полюбопытствовать, пан Гайер. Кто они?

– Тебе лучше не знать, поверь мне. А еще лучше не знать местному феодалу.

Трактирщик кивнул. Флориан достал толстый кошель.

– Это за первую просьбу.

Достал второй. Не сильно тоньше.

– Это за вторую.

– О, вы так любезны. Но вы же понимаете, что я не смогу заставить молчать всех, кто сегодня был.

– Так напои их до беспамьятства. И моим людям налей и подай что-нибудь до стола. Не забудь еще про тех, кто наверху: они поедят там. Мы все устали с дороги. А если и придут с вопросами, скажи: кто такие были – знать не знаю. Направлялись на запад.

– К брунгильдской границе?

– К ней. А еще раздобудь неприметные плащи. Больно у наших друзей доспехи сияют.

– Все будет сделано, пан Гайер.

Была ночь. Все шли ко сну. Бравый командир решил поставить Гинерву в известность. У ее покоев, как и следовало ожидать, стоял Мак Нерли.

– Могу я поговорить с Ее Величеством?

– Спать она. Уходить ты, – ответил арф.

– У меня важное сообщение. Впереди нас ждет нелегкий путь. И это надо обсудить.

– Говорить ты на меня, – Мак Нерли оставался непреклонен.

– Пусть войдет, – раздался голос из-за двери.

Рыцарь, поколебавшись, дал миссарцу пройти. При этом бросив на него строгий взгляд. Мол: «Я за тобой слежу. И только попробуй не то что тронуть, сказать что-то не то Ее Величеству – отрублю голову. Тебе и твоим дружкам».

Внутри Гайера ждала более приятная картина. Принцесса Гинерва сидела перед зеркалом и расчесывала свои светлые волосы.

– Я слышала, что ты хотел, – не отрывалась она от зеркала. – Что-то важное?

– Хотел рассказать вам сказку на ночь, госпожа моя.

Тут Флориан понял, что дверь может вот-вот быть выбита стальным сапогом. Девушка повернулась к нему, улыбаясь уголками губ.

– Начинай, я послушаю.

Ее теплый тон голоса наверняка и остановил стража.

– Кмх, – кашлянул Флориан в кулак. – Пришел сказать, что двинемся завтра на рассвете. Уже обо всем распорядился. У нас будет и еда, и вода. Но теперь мы не будем останавливаться в корчмах.

Она отложила гребень.

– Возьми стул, присядь. Я хотела бы знать почему.

Миссарец не знал точно, как лучше все объяснить, чтобы не навлечь подозрение и непонимание.

– В людных местах небезопасно. Те же культисты еще могут угрожать нам.

– Эти с петель на шее? Я догадывалась, что в Кипариске были не все.

– Далеко не все. Скажу больше: вся Миссара ими кишит. Успокою: сейчас мы в довольно гостеприимном месте. Но между нами и Милорадой лежат земли, где валы, эти культисты, имеют особое влияние во всех сферах.

– Почему нельзя подождать нового миссарского эскорта здесь? Наверняка король Пирон уже давно в курсе дел.

– В том то и дело, что и фанатики наверняка в курсе. Поэтому нельзя. Некоторые феодалы, земли которых недалеко отсюда, сами носят петли на шеях. И эскорт может быть совсем не королевским.

– Имеешь ввиду подставных сопровождающих?

– И еще имею ввиду деньги. Даже настоящий миссарский эскорт можно купить. И тогда они с радостью заведут нас в ловушку.

– Разве у миссарского короля так мало денег?

– Мы не знаем, в каком культе состоят придворные солдаты. Во дворце разброд в плане конфессий, и никто ничего не контролирует, поверьте. Для фанатика выгоднее получить много

денег от своих, чем очень много от чужих. А клятву королю, который для них иноверец, они тут же забудут.

– Как многого я не знала об этой стране... То есть ты предлагаешь нам идти по лесам, питаться корешками, когда еда закончится, и спать среди волков?

– Да, именно так, – ответил он честно.

Гинерва задумалась. Ответила:

– Не знаю. Не знаю почему верю тебе, – на самом деле знала, – но сделаем так, как ты сказал.

– Рад слышать, – кивнул Гайер. – Еще одна причина заключается в том, что вы, так понимаю, торопитесь.

Она кивнула. Флориан кивнул в ответ на прощание и встал со стула.

– Не смею больше задерживать вас ото сна, госпожа, – кивнул он еще раз, положив руку на сердце.

– Постой, – Подняла принцесса руку. – А как же сказка?

Вопрос прозвучал так, будто Гинерва кокетливо изобразила маленькую девочку.

– Вы, верно, шутите? – прищурил ратник глаз.

– Вовсе нет. Я убеждена, что ничего так красноречиво не говорит о народе, как его фольклор. Чтоб лучше знать страну и чтоб лучше понимать народ этой страны, мне нужно знать сказки, которые миссарцы рассказывают своим детям.

– Вы просите просветить вас в миссарском фольклоре. У человека с именем Флориан Гайер. Но, если серьезно, пару я знаю.

Он вернулся на стул и начал рассказывать старую сказку про лисенка, который хотел достать маме Коло с неба. Гинерва слушала его не отрываясь.

Гайер заканчивал:

– И вот молвил старый козел: «И я пытался бодаться с небом, да только пообломал рога. Вот и сказочки конец».

Гинерва засмеялась. Искренне и по-детски.

– Ох, какие смешные у вас сказки... По крайней мере эта. У нас же, арф, всегда все заканчивается печально и тоскливо.

– Мы такие, – развел руками Гайер.

– Кто, бруны? – засмеялась она еще раз. – Забыл, что вот только мне сказал, Флориан Гайер?

Ратник молча улыбался в ответ.

– За еще одну сказку я пожалуй тебе титул своего придворного...

– Бруна?

– Да нет же! Придворного рассказчика сказок.

– Такая честь. Но не смею больше нарушать покой Вашего Величества. Иначе, боюсь, сонная вы не удержитесь в седле.

– Ну, что ж. Время позднее, пора спать. Благодарю за вечер. Герр Гайер. Или все же пан?

– Можно просто Флориан. Доброй ночи, госпожа Гинерва.

– Доброй ночи, Флориан.

Миссарец вышел из комнаты. Мак Нерли так и стоял на входе. Бросил на ратника холодный взгляд, не сказав ни слова.

Девушка тем временем не могла заснуть. Мысли не давали покоя.

«А сказки у миссарцев и вправду веселые».

Глава VI

На утро они двинули.

Вокруг был лес. До того густой, что свернуть в него на лошадях было фактически невозможно.

Чем дальше они шли по тракту, тем сильнее нарастало напряжение. По крайней мере у Гайера. Ему хотелось как можно быстрее уйти с дороги. Его скрытое волнение все же начало незаметно передаваться остальным. Ехали молча с хмуримыми лицами и невеселыми взглядами.

Мак Нерли подал коня вперед, поравнявшись с командиром Черного отряда.

– Миссар, – нарушил он тишину, – есть ваш лес место поход для? Думаю я о звери, есть это дико место.

– На вашем месте, господин рыцарь, я бы больше сторонился людей. Коли вы на своей, простите, шкуре ощутили, какие они здесь бывают.

Гайер пожалел о своем резком тоне. Его раздражение в голосе могло продемонстрировать беспокойство. Последнее, что было сейчас нужно. К счастью, разговор на его фразе и закончился.

Был еле различим какой-то звук, даже не звук, а колебание. Флориан спешил и припал ухом к земле.

Встав, он дал ответ:

– Конные, немного.

Вскоре топот копыт стал слышен довольно отчетливо. И перед путниками предстал отряд в числе четырех человек. Трое выглядели как вчерашние рекруты или, напротив, как матерые солдаты, пропившие последнее. Хотя, видимо, просто местный феодал поспешил на их амуницию. Из латного доспеха были лишь короткие наплечники. Все держалось на облезлых ремешках. Тела закрывали что-то на подобие бригантин. Один был без шлема. У другого шлем напоминал закругленную башенку с пикой – такие носили миссарцы в древние времена. Состояние вещи было вполне сносным. Третий носил измятый, исцарапанный котелок. По-другому не сказать. Заклепки болтались, забрало когда-то беспощадно вырвали с корнем и оставили вот так.

Зато каков был их командир. Блестящие доспехи, шлем с остроклювым забралом, а на макушке пышные перья. На руках перчатки из кожи, перстень на указательном пальце.

Гжегож увидел блеск красного камня и не мог сдержать восторг. Так он любил драгоценности.

– Братья! – бросил Флориан черным плащам, – да неужели сам феодал к нам пожаловал? Обладатель пернатого шлема поднял забрало. Его лицо было совсем юно.

– Почему не склонились перед дворянином, чернь? – начал он бойко.

– Так и мы из дворян, – бросил ему Гайер.

Прокатилась волна смеха. Лицо юноши побагровело от злобы.

– П-почему вы все одеты как... как... Что это за черные и серые плащи? Что вы за ними прячете?

– Да прохладно вот стало, – не унимался Флориан.

– Мы – монахи, – вмешался Гжегож. – Несем Святому Валу тепло и свет.

Черный отряд взорвался от хохота. Молодой рыцарь стал хвататься за рукоять меча. Его слуги натянули луки, сидя на конях.

– Ладно, ладно, – примирительно поднял руку черный командир. Меня зовут Фло...

– Заткнись, смерд! – разразился юноша. – Зарублю пса! Мне, сыну пана Лодзинского какой-то деревенских прыщ будет дерзить и выставлять меня шутом? Меня?!

– Да будет пану Лодзинскому известно, – миссарец решил оставаться в веселом тоне, но сам стал закипать, – что мы – мирные путники и свободные люди. Почти монахи.

Гайер говорил уверенно и с расстановкой. Четверка на время опустила оружие.

– Вероятно, вы заметили у нас мечи. Но более выразительно о нас говорит эта золотая молния на плащах. Я думаю, пан Лодзинский о нас наслышан. Как и его отец.

– Черный отряд, слышал.

– Так наверняка и слышали то, что у нас здесь все мастера крепкого словца и остры на язык.

Лодзинский поколебался – он думал. И все же нахмурился и поднял меч.

– Кто вы и зачем, выясним у феодала местных земель. Каждый бандюга может сшить себе такую тряпку. Сложить оружие!

– Это не тряпка, – зло ответил Гайер, опуская руку на эфес.

Флориан и Лодзинский выжигали друг друга взглядами.

– Ты – скотина! – юный рыцарь сорвался на фальцет. Его свита натянула луки.

Но лучники и арбалетчики из Черного отряда, не спешившись, еще раньше взяли врагов на прицел.

– Не глупи, мальчик, – иронично сказал командир черных плащей. А потом лязгнул его меч.

– Довольно! – громогласный певучий девичий голос ворвался в свару как ураган.

Гинерва скинула с себя плащ. Рыцари выставили щиты, прикрывая тело принцессы. Но та подала коня вперед.

– Я – Гинерва О’Кили, дочь арфского Короля Диллиона. А это мое сопровождение. Понятно вам, господин рыцарь?

Лодзинский хотел было что-то рявкнуть в ответ, но осекся на полуслове. Принцесса не дала ему и слова вставить.

– Эти господа, – окинула она рукой Черный отряд, – спасли наше посольство из пожара в Кипариске. Поэтому, из каких бы вы родов не происходили, говорите с ними подобающе церемониалу.

Мы, – кивнула на своих латников, – представители арфской знати и здесь по приглашению Короля Пирона. Мак Нерли, покажите ему бумагу. После того, как они уберут оружие.

От такой речи юный нахал окончательно потерялся. Он прекрасно знал, что в Миссару должно прибыть арфское посольство с молодой принцессой во главе. И про Кипариску он уже что-то слышал: слухи разносились быстро. И даже про странную компанию в корчме Ванека говорили. Только трактирщик уверял, что путники двинулись на запад. В любом случае для высокомерного дворянина было невозможно понять: как люди такого высокого сословия могут идти плечом к плечу с этим сбродом. Естественно, дворянские дети, как Лодзинский, себя сбродом не считали.

И ему пора было решать. Он дал команду опустить оружие. Ратники из Черного отряда с рыцарями на пару сделали то же.

Тут блеснул Мак Нерли. В прямом смысле. Скинул с себя плащ, ослепляя четверку дорогами арфскими доспехами. Величаво, медленно, с истинным достоинством он направил коня к Лодзинскому. У последнего ком в горле застрял.

Гайер улыбался этой картине.

Приближаясь, рыжий арф пристально смотрел в глаза юноши своим знобящим взором. Лодзинский держался. Воитель клана Дуглас протянул миссарцу свиток.

Молодой рыцарь принял его и начал читать. Губы беззвучно выговаривали слова. Сомнений у него совсем не осталось. Не в силах убрать обескураженную мину с лица, он возвратил документ. Мак Нерли кивнул и удалился так же статно как в начале.

Глаза Лодзинского бегали по путникам. Флориан вызывающе кивнул ему, ухмыляясь самым наглым образом.

– Черный командир, – сверлил его глазами дворянский сын, – полюбился высочайшим гостям нашей земли. Пусть так. Приношу свои извинения.

Последняя фраза далась ему с особым трудом.

– Госпожа, Ваше Величество, – обратился юноша к Гинерве, – позвольте сопровождать Вас в этом походе. Куда бы вы не пошли. Мой меч и шлем принадлежат вам.

«Какой подхалим», – подумала Гинерва.

«Хочет всю славу себе», – подумал Флориан.

«Игл тебе в жопу», – подумали ратники в черном.

«Díul mó bhad (*арфский общий*. Отсоси)», – подумали арфские рыцари.

– Решать будет мой следопыт, – принцесса кивнула на Гайера.

– Ну, ребята, – бросил Флориан, – что скажет Черный отряд?

– Пошел на хер! – хором ответили все.

Молодой Лодзинский, пропустив грубость мимо ушей, ничего не сказал и дал своим знак следовать за ним. Вскоре они удалились.

Прямо на пыльной дороге арфы и миссарцы собрали совет. На нем командир черных плащей заявил, что пора двигаться через лес. Все согласились.

Флориан свистнул троим своим людям и пальцами дал знак. Те поняли и пришпорили лошадей вперед по большаку.

Гинерва спросила:

– Зачем?

– Разведка, – спокойно ответил Гайер.

Когда они зашли в лес, Гинерва осведомилась у Гайера, стоит ли им опасаться диких зверей.

– К несчастью нет.

– Почему к несчастью?

– Еще давно мою страну постигло страшное бедствие, от которого мы не можем полностью оправиться до сих пор. Оно опустошило леса, реки, города, села. В те времена даже испытанные бойцы, заходя в селение и не слыша ничего кроме крошечной тишины, тут же пришпоривали коней и мчались без оглядки. Северная Свистушка, так называлась болезнь, косила все живое без разбору. Ваше Величество?

Гинерву передернуло от отвращения. Но она все же сдерживала себя.

– Мне знакомо это название. Прошу, продолжай. Ты же знаешь: я хочу знать все про Миссару.

– До этого наши леса были полны всякой живности. Оленей, зайцев, волков, медведей. Говорят, каждый ел мясо днями напролет. От этого, опять же так говорят, миссарцы были ростом с арф. Это сейчас про нас шутят, что мы произошли от цвергов, потому что прошло несколько поколений голода и войн. Тогда же случились затяжные зимы, неурожай. Из-за нехватки еды и началась война. Та часть Миссары, которую бедствия обошли стороной, – Бершка, – захотела отделиться. А за ней и другие земли. Тогда Миссара чуть не распалась. В летописях сказано, что каждая из войн заканчивалась одним: ни у кого не осталось сил держать оружие.

– Так что было дальше? Миссара же не распалась, насколько я знаю. Ты говоришь про Голодную войну – серию конфликтов лет двести пятьдесят назад.

– Мне казалась, она началась раньше. Ведь именно в тот момент мы распрощались с нашим старым культом и приняли Зверя.

– С каким культом? Их же полно. По крайней мере, если верить моим учителям.

Флориан даже замешкался. С одной стороны, девушка была права. А с другой – волхвы говорили о другом. Он решил пересказать версию последних.

– Если верить моим учителям, предки распрощались со старыми богами – Юнаком и Юной. Это случилось, когда мудрецам явился зверь, невиданный в Миссаре никогда. Напоминал ежа, но куда больше. А тело усыпано длинными иглами. Чудом было то, что его нашли с кистью золотого винограда в пасти. Это означало возвращение урожая и тепла. Король, который тогда правил, обратился в новую веру и постановил: чтить Природу. Одним из первых его указав была отмена охоты. Отныне только в двух случаях можно убить животное: когда тебя может убить голод или сам зверь. На столах дворян стало появляться только мясо домашней скотины. Меха соболей, куниц и других жителей диких лесов сожгли, а пеплом посыпали землю. С забитой скотины можно снять шерсть для одежды, поэтому голым из благородных никто не остался. И еще наши животноводы отдают часть скота лесничим. Те с волхвами отводят их глубоко в лес и отпускают, совершив обряд. Чтобы дикие звери могли поесть и жить дальше.

– Это благородно. А вот что, если кто-нибудь, даже тот же лесничий или волхв, решится пойти на обман и взять барана на ужин?

– Его убьют. Всем известно, что причина мора была в расточительном отношении к природе. И отступник всегда понесет наказание. В любом случае.

– То есть в вашей вере есть понятие греха?

– Да. После смерти грешник будет сброшен в бездну на длинные иглы и висеть ему на них, пока тело не коснется дна. Когда это случится, все повторится вновь.

– Если есть наказание, должно быть и поощрение.

– Те, кто вел праведную жизнь: не убивал диких зверей и не ел их мясо, не предавал своего правителя, не нарушал клятв и все прочее попадает в Золотые Сады. Там он будет пить вино из золотого винограда и встретит всех, по ком скучал. И это никогда не надоест.

– Интересно, как от темы заботы о природе мы перешли к верности государю, – прокомментировала принцесса. – А уйти из этого места он может?

– Куда и зачем ему уходить?

– У нас арф считается, что после смерти мы можем гулять по мирам. Каким захотим. Приблизиться к любой звезде, посмотреть на то, что было тысячу лет назад. Мы это называем: пронзить время и пространство. Часто старики смотрят на звездное небо и представляют, куда бы они пошли в первую очередь.

– Ничего не знал о вашей религии, госпожа. Звучит красиво. И такое счастье для всех?

– Нет. После смерти плохих людей...

На самом деле Гинерву всегда сбивало с толку понятие «плохой человек», поэтому она решила сказать конкретнее:

– То есть лжецов, предателей, преступников закона после смерти утаскивают на дно фоморы – демоны глубин. Там они будут кусать, душить, рвать тело когтями. Пока плохой человек сам не станет фомором от боли и страха.

Девушка и молодой ратник пришли к выводу, что их религии похожи. Но в Миру еще было далеко до высказывания одного публициста, что «все религии собраны из одинаковых запчастей».

Прошло несколько дней пути. Был вечер. Путники разбили лагерь. По середине горел костер. Часовые уже давно стояли по своим постам. Арфские рыцари, с одной стороны, не брезговали сидеть рядом с партизанами. Но с другой – старались быть в стороне. Многие из людей Гайера уже отошли ко сну.

Флориан смотрел на звездное небо. К нему подошла принцесса. Завидев ее, он подвинулся на бревне.

– Уступить вам место?

– Да. Хочу поговорить о походе.

Присев, она посмотрела на своих телохранителей. Те в свою очередь посмотрели на нее. Гинерва отпила из кубка холодный квас – рыцари не позволили бы ей пить вино. Спросила:

– Какие планы на завтра?

– Идти. В основном лесом, – с ухмылкой ответил тот. – А если конкретнее, выступим на рассвете. К Коло на три часа после полудня дойдем до реки Дрина. Переправимся на пароме. Перейдя реку, мы попадем в край Милорады. И там нам уже нечего будет бояться.

– Почему?

– У меня там много друзей. Да и король вряд ли стерпит культистов на своей...

Беседу прервал звук ломающихся веток и топот копыт.

«Почему часовые молчали?» – спросил себя Гайер.

Все повскакивали с мест с оружием в руках.

– Хэй'я! – раздалось из-за деревьев. – Эй, рябина, где росла среди болот?

Посреди зеленых мхов, – Флориан выдохнул и убрал меч в ножны. – Свои, – пояснил он Гинерве.

Трое крупных мужчин вели лошадей под узды. Они устало шли к своему командиру. Один что-то нес в руке.

Когда прибывших озарил костер, стало еще лучше видно насколько они измучены дорогой. На них была запекшиися кровь и слой пыли.

К ногам Гайера упал шлем. пышные перья были истрепаны и поломаны.

– Как приказывал, командир, – довольно кивнул на трофей Гжегож. – Сходили, значица, в разведку. Пришлось побегать, оторваться от местных. Но зуб даю – хвоста нет.

– И, смотрю, очень удачно сходили, – Гинерва не спускала глаз с блестящего в лучах костра самоцвета на пальце здоровяка. И взгляд ее был недобр.

– Ну, а как же, Ваше Величество! – как ни в чем не бывало похвально Гжегож. – М-да, не хотел по-доброму отдавать. Значица мы его и его дружков того-этого...

– Мы поняли, – оборвал Гжегожа Флориан. – Отдохните, выпейте чего-нибудь.

– Это мы за здрасте. Идем, братва!

Троица ушла. Гайер и Гинерва сидели молча. Последняя вскоре встала:

– Что же. План мне ясен, – от нее веяло холодом. – Хорошо, что завтра мы уже будем у Милорадского края.

Это прозвучало как: «Это была ошибка. Поскорей бы нам перестать иметь дело с разбойниками вроде вас. При первом же миссарском патруле мы от вас отделаемся. И пойдем в столицу в соответствующем обществе».

Он остался один. Выпил залпом оставшееся пиво, покосился на шлем молодого Лодзинского. Потом поднялся и пнул броню в огонь.

Гайер перед сном размышлял: удастся ли довести дело до конца. Шансы на успех становились все меньше. Н все-таки он смог заснуть.

Оглушительный вопль разнесся по лагерю. Флориан быстро проморгался и понял, что кричит Гинерва.

Он побежал к палатке. Вокруг нее уже стояло достаточно вооруженных людей Гайера. Арфы стояли в боевой стойке, плотно держа щиты. Миссарцы и чужеземцы орали друг на друга. И никто не мог никого понять. Громче был только певучий крик, леденящий душу.

– Заткнитесь! – проорал что есть мочи молодой миссарец.

Воины стихли, даже арфы. А крик девушки то стихал, то снова оглушал всех, кто был рядом.

– Командир, – обратился один из Черного отряда, – арфы девушку мучают.

– Она – их принцесса. Что за бред?

– Бред – не бред, а кричит – то волосы дыбом.

– Может ей кошмар приснился? – поинтересовался кто-то из ратников.

– Рожа твоя – кошмар.

– Я сейчас твою страшнее сделаю.

– Заткнитесь!

Флориан что-то зло прорычал себе под нос и приблизился к рыцарям. Те выставили мечи.

– Да стойте, – начал он примирительно, – я без оружия. Хочу помочь.

Они не поняли. Мак Нерли с ними не было. Крик же становился все нестерпимее. В отчаянии Флориан выкрикнул на брунгильдском:

– I can help her! (*брунгильдский общий*. Я могу ей помочь!).

В этот раз они поняли. Арфы переглянулись друг на друга. Один кивнул. Рыцари расступились, дав ему пройти.

Флориан заглянул в палатку. Его взору предстала бьющаяся в агонии Гинерва. Ее держал за руки Мак Нерли. Рыцарь резко обернулся на миссарца, его глаза дрожали от ненависти:

– Прочь!

– Я знаю, что с ней, и могу помочь. Мак Нерли, держи ее крепко, чтоб шелохнуться не могла. Еще крепче!

В разговоре он использовал не столько речь, сколько жестикуляцию.

Не смотря на свою очевидную силу, рыжий арф еле сдерживал конвульсии девушки.

Флориан подобрался ближе к ее лицу. Глаза Гинервы были закрыты, она кричала во все горло. Тогда миссарец прильнул к уху и прошептал:

– Гинерва... Гинерва, проснись, это я – Флориан.

И тут ее глаза открылись. Она успокоилась. По началу пустой, ее взгляд стал приобретать волю. Изможденным голосом она молвила:

– Что вы оба тут делаете?

Ответ не потребовался.

– Опять это началось? О вселенная, за что?

Мак Нерли что-то сказал ей на родном. Гинерва спросила:

– An do chuidich e mi? (*арфский, диалект Дуглас*. Это он спас меня?).

– Chuidich e thu (*арфский, диалект Дуглас*. Он спас).

Мак Нерли посмотрел на миссарца с изумлением.

Флориан было решил поведать правду, но решил попридержать козырь. Ведь шансы на успех снова возросли. Он просто сказал, что обучен снимать порчу. На самом деле Гайер действовал наобум. Как-то раз с одним из его отряда случилось что-то подобное. Средних лет ратник ни с того ни с сего упал и стал дергаться в конвульсии. Обливали водой, были пощечины – ничего. Командир сам пытался растолкать своего солдата. После ряда неудачных попыток тихо ругнулся шепотом. И тот ожил.

Что у Гинервы, что у того мужчины проявлялись признаки хвори, которой дадут название болезнь Катарины, а в более поздние времена – a splitting mind. В переводе: «разделенное сознание». Одним из признаков заболевания была реакция больного только на шепот или другие специфические звуки.

Мак Нерли дал Гинерве попить, укутал поплотнее. Та скоро уснула. Двое мужчин просидели у ее палатки всю ночь. Когда небо на горизонте стало слабо-зеленым, арф произнес:

– Можешь ты идти. Нет этого повтора в утро.

– Давно это у нее?

– Давно.

Флориан не стал расспрашивать дальше. Он уперся спиной в жердочку и заснул.

Глава VII

Он проснулся спустя несколько часов. Уже давно светило солнце. Выдвинуться на рассвете не вышло.

Перед его глазами была необычная картина. Арфы стояли кругом у тлеющего костра. Гинерва своим мелодичным голосом начала песнь:

Ev sistr 'ta Laou, rak sistr zo mat, loñla

Флориану понравился этот волшебный мотив.
На второй строке подхватывали остальные арфы.

Ev sistr 'ta Laou, rak sistr zo mat
Ev sistr 'ta Laou, rak sistr zo mat

Он слушал их песнь, их мелодичные голоса. Люди Гайера с восхищением смотрели на «представление». Бывшие крестьяне проникались искусством.

Гинерва О'Кили пела, то вздымая голову, то прикрывая глаза.

Когда их пение закончилось, она прошептала:

– *Кепаво* (*арфский, диалект Морриган*. Прощай).

Миссарцы не знали, что у арф спустя время после похорон принято петь любимую песню покойника. По арфским верованиям считалось, что дойти с земли до звезд можно не ранее, чем за несколько дней. И песня – это прощание. Полное и окончательное.

Арфы стояли в кругу у пепелища и исполняли новые песни. За это время весь лагерь окончательно выспался, шли сборы.

Но пока они не закончили, никто не решался их потревожить. Иноземцы закончили и в молчании присели на бревно. Принцесса посмотрела в сторону Флориана. Он с улыбкой кивнул ей. Та же просто смотрела на него. Ее взгляд был задумчив и глубок. А потом она отвернулась.

– Пан Гайер!

Спокойствие командира прервал часовой. Его лоб был в поту. Глаза на выкате.

– Там! Там!

Часовой заикался от страха. И в итоге смог выдать из себя:

– Там зверь!

Ветки захрустели. На опушку вышел медведь. Худой до того, что бока впали. Медленно он ковылял по направлению к лагерю. Но выглядел совсем неопасным.

– Что делать? – нервно спросил часовой.

На лицах миссарцев было изумление. На пару с благоговением. Многие подносили ладонь ко лбу – религиозный жест. Мало кто из них видел живого медведя. Они не решались достать оружие. Никто не хотел брать на себя такой страшный грех, хоть ратники и имели право на защиту.

Медведь все так же медленно шел к ним. В движениях читалась слабость, голова чуть ли не волочилась по земле.

Дойдя до крайней палатки и рассматривая людей, он сел, потом упал на живот как собака.

Толпа стояла в молчаливом ступоре. Гинерва же прошла вперед. И с мешком в руках двинулась в сторону зверя. Как обычно, рыцари хотели было остановить ее. Она лишь шикнула. Но стража все равно шла рядом с ней.

– С мечом, да на дикое животное, – ахнул кто-то из толпы, наблюдая за рыцарями.

– Медведь же не нападает.

Командир дал приказ сохранять спокойствие. Медведь, видя идущих на него латников, начал нервничать. Гинерва снова шикнула на телохранителей. Те остановились. Кто-то приготовил арбалет вопреки ее приказу.

Гинерва этого не видела. Она подходила все ближе к хищнику. Тот вытянул шею и смотрел ей в глаза. Напряжение нарастало.

Приблизившись на расстояние вытянутой руки, девушка высыпала содержимое мешка. Там был сыр, колбасы, соты меда – арфские припасы.

Медведь подался вперед, понюхал и стал с нетерпением жевать угощения. Быстро с ними управившись, он смотрел широкими глазами на свою кормилицу.

Она присела корточками, прижалась к телу. Медведь облизывал ее руки и тыкался носом в бок. Гинерва медленно протянула руки к его лбу, погладила густой, мягкий мех.

– О, диво! – воскликнул кто-то из миссарцев.

– А я вам говорил! – еще сильнее воскликнул другой, чуть ли не подпрыгивая. – Арфы – то потомки альвов. От альвов они родом, от остроухих. Которые с природой в ладах и зверей взглядом приручать могут.

– На тебя глянь, так ты от цвергов произошел, от коротышек, – раздался насмешливый бас.

Толпа рассмеялась. Флориан смотрел на принцессу широкими глазами.

Та наконец встала и отошла от зверя. И тут один за другим миссарцы подходили к животному и давали ему еды из своих запасов.

Под конец Гайер принес свой мешок с едой. Он не стал вываливать содержимое на землю, а просто оставил рядом. Медведь встал, принялся. Взял мешок в зубы за узел и побрел в сторону леса.

Флориан подошел к Гинерве. Вокруг нее уже толпились восхищенные ратники.

– Ваше Величество, Вы были великолепны, – приложил он руку к сердцу. – Вы были бы прекрасной миссарской королевой. Как княгиня Морена или княгиня Кантара.

Девушка улыбнулась, чуть опустила голову вниз, снова подняла.

– Я не могла смотреть на то, как он страдает. Я хотела помочь.

После этого поступка принцессы миссарцы приняли ее как свою. Она сама, без принуждения, сделала то, что завещано каждому верующему в Игольчатого Зверя – помогала Природе.

Было серое небо и густые тучи. Путники двинулись к Дрине.

Ехали без приключений. Лес становился все гуще и гуще. Пришло время возвращаться на дорогу.

В лицо дул холодный влажный воздух. Вскоре перед глазами всадников предстала широкая река.

Путники радовались, что наконец дошли.

– Дальше Милорада, – с улыбкой один из партизан указал на противоположенный берег.

– Никогда не был в столице, – вставил другой, – неужели мы осушим наконец столичные пивные?

Флориан и еще пара бойцов тянули паром. Вскоре дело было сделано.

У переправы была табличка: «Путник! За рекой тебя ждут земли самого Короля Миссары и отца-защитника Бершки – Пирона Крепкого. Просторные поля, леса, реки и холмы откроются твоему взору. В местах стоит стольный град Милорада. А в прекраснейшем дворце на горе Наранке заседает наш Кормилец. В добрый путь и держи нос по ветру!»

Командир черных плащей повернулся к своим людям:

– Отряд, стройся!

Миссарцы выстроились в линию. Флориан взобрался на коня и встал на стремянах.

– Ратники. Скажу вам сразу: в Милораду пойдут только я и арфы.

Все в удивлении ахнули. Начался ропот.

– Тихо! Я хочу сказать речь. И начну со слов благодарности. Когда все только начиналось, нас было лишь несколько. Те люди, с которыми я начинал дело – друзья моего детства. Увы, никто из них не дожил до сего дня. Я помню, как мы разезжали по деревням и открывали глаза простым крестьянам на то, какая несправедливость творится с ними. И несправедливость эта зовется культом Святого Валя. В начале мы могли лишь грабить их мелкие обозы. Но люди видели, что наше дело правое. Мы всегда делили добычу поровну и были как семья. Когда нас стало с десятков, мы разгромили целый монастырь.

Мы жили в лесах, переживали опалы, прятались от солдат короля и фанатиков. Но мы росли и крепили. И наши взгляды все чаще устремлялись на Волчью Вельку. Гнездо этой ереси, где был убит настоящий герой Миссары – Виллигельм Гемеер. Его потомки этого не забудут.

Но! Всему приходит конец. Вы были бедняками и были в грязи. Теперь у вас есть лошади, есть оружие, как у настоящих дворян. Вы через столько прошли! Теперь же возвращайтесь по домам. Если кому-то некуда идти – идти к Волчьей Вельке, а там в горы – на Клыки Первых Волков. Помните Мьёрмура? Этот человек укрывал нас в трудную минуту. Ему и другим брунгильдским поселенцам требуется помощь по хозяйству в его горах и предгорьях. Да, вы никогда не побываете в Милораде. Этот берег не ваш.

Флориан Гайер отстегнул плащ с золотой молнией.

– Запомните этот день, братья. Благодарю за службу.

Он спешился, чтобы уложить ткань в подсумки.

А партизаны стояли как стояли. Они так и не знали, что им делать дальше.

– Долгие прощания – лишние слезы. Езжайте же! – бросил он им.

Всадники стали спешиваться с лошадой. Они подходили к своему командиру пожать руку и сказать последние слова.

– Слава пану Гайеру! Славься, Черный командир!

Гжегож чуть не задушил Флориана в объятьях.

– Ну, будет тебе, дружище, – похлопал командир друга по плечу.

Когда все сели на лошадей, бросили прощальный взгляд на своего друга и военачальника.

– Берегите себя, друзья, – помахал им рукой Гайер. – По дороге опасайтесь людей Лодзинского.

Они уезжали. Некоторые ратники стыдливо прятали опухшие глаза.

Вскоре у парома остались лишь Флориан, Гинерва и рыцари.

Миссарец не успел запрыгнуть в седло, как на него чуть ли не наехал Мак Нерли.

– Объяснить, – холодно молвил он.

Приблизилась и Гинерва. Арфы верхом выглядели еще монструознее из-за своего роста.

– Да, господин Гайер. В чем дело? Сама столица не близко. А ты распускаешь людей на конях, да и еще с оружием. Впереди нас разве не могут поджидать культисты или обычные бандиты? Я требую объяснений.

– Вы правы, Ваше Величество, – спокойно ответил миссарец. – Идти еще несколько дней. Но, как я говорил, в этих землях живут мои друзья. И у меня с ними договор. О том, что Черный отряд не должен заходить в эти земли. Позже я объясню все подробнее.

Арфы с недоверием смотрели на него.

– Не подведи, Флориан, – кивнула Гинерва. – Мы поверили тебе.

Спешившись, повели коней на паром. После переправы снова оказались в седлах и двинулись прямо на столицу.

Глава VIII

Несколько дней пути прошли как один. Не в смысле, что быстро, а что однообразно. Стоянки делали все так же в лесах. Флориан убеждал арф, что бояться нечего, но лучше побережись. До сих пор они не встретили никого из его влиятельных друзей. Доверие к миссарцу висело на волоске. Куда проще было попросить эскорта из дворца, заехав в ближайший трактир. А этого человека, пусть и поблагодарив, отправить восвояси.

Гайер беспокоился, что так и будет.

Как-то раз на ночном привале к нему снова подошла принцесса.

– Госпожа, – разговор начал он, – Вам лучше? Я имею ввиду сон.

– Да, – кивнула она. – Гораздо. Не бери в голову, Флориан. Сейчас мне нужно задать тебе вопрос.

Тот кивнул.

– Мои люди сказали, что ты говоришь на брунгильдском. И вот вопрос: многие ли миссарские крестьяне знают этот язык?

– Вы хотите спросить, не выдаю ли я себя за кого-то другого? – поднял он бровь.

– Откровенно говоря, да.

– Я с отрядом довольно долго орудовал в Брунгильде в свое время. Да и в горах, – в Клыках, – довелось жить с брунами, которые поселились там еще лет сто назад. Так сказать, имелась практика. Ваше Величество, разве я дал повод усомниться во мне?

– Нет, что ты. Я пойду, – попрощалась она.

– Доброй ночи, принцесса.

Он вздохнул и пошел к своему спальному мешку, как из-за спины послышалось:

– Флориан.

К нему снова подошла Гинерва.

– Если я закричу...

– Я приду, – кивнул он.

– Еще раз спасибо, что не заставляешь просить принцессу у простого парня из народа.

Она ушла. Пожелав доброй ночи своим рыцарям, принцесса О'Кили легла на просторное мягкое ложе. Ей не спалось.

Сначала думала про звезды, потом про день грядущий. Когда вереница ее мыслей стала размытой; в тот самый момент, когда она почти заснула, из-за ткани натянутого шатра раздался голос. Приглушенный, девичий, что-то неразборчиво бубнящий в никуда.

Лицо Гинервы стало напряженным.

Тут с девушкой начала говорить подушка. По крайней мере, голос шел из-под нее. Земля грохотала. Принцесса не в первый раз сталкивалась с этой напастью. И за эти долгие годы мучений она с переменным успехом научилась подавлять приступы. Ее спасал звук из реального мира. В котором она точно уверена, что он – не галлюцинация. Девушка царапала ногтями по подушке и концентрировала внимание на издаваемом звуке.

– *Dún suas! Dún suas!* (*арфский общий*. Заткнитесь! Заткнитесь!), – рычала она на ненавидимые голоса вокруг нее.

Она лежала на боку. За спиной раздался приближающийся к ней топот. Кто-то рыскал по палатке, вынюхивая все как волколак. Чья-то тяжелая нога ступила на ложе.

От ужаса Гинерву прошиб пот. Она не могла пошевелиться. Не могла вскрикнуть. Ее рука остановилась, гул стал нарастать. А чудовище из-за спины уже положило лапу ей на плечо.

Она ждала: когда же? Девушка была обречена, но момент не наступал. Когда же? Гинерва смирилась со всем — лишь бы тварь уже поскорее ее прикончила.

Флориан курил трубку. И тут его пронзил крик. Знакомый.

Он ринулся к ее шатру, бросив трубку наземь. В шатре был один из рыцарей. Он тщетно пытался успокоить принцессу. У нее снова случился припадок как в тот раз. Миссарца подпустили к ней без лишних жестов.

– Where is Mac Nerly? (*брунгильдский общий*. Где Мак Нерли?) – крикнул Флориан.

Рыцарь клана О’Тулле ответил на ломаном брунгильдском.

– Watch time in (*брунгильдский, общий*. В дозоре).

Гайер отодвинул рыцаря в сторону, посмотрел в лицо арфа. Худощавое, с острыми чертами, светлые глаза и кудрявые волосы цвета пшеницы. Это был вымышленный образ рыцаря в сияющих доспехах из детских сказок или рыцарских романов. Причем самых вычурных и нереалистичных.

– Listen. Go to your leader. While I’m helpin’ her (*брунгильдский общий*. Слушай. Иди к своему командиру. Пока я помогаю ей), – начал Флориан.

– How? (*брунгильдский общий*. Как?)

– Doing my best. Go now! (*брунгильдский общий*. Делая все, что смогу. Иди же!)

Рыцарь выбежал из шатра.

Гайер снова использовал свой метод. Шепнул:

– Проснись, Гинерва. Проснись, это я.

Не получалось. В этот раз крик был только единожды в начале. Все остальное время она стонала, корчась в лице.

– Может надо на ее языке? Как же там?

И в отчаянной попытке он прошептал ей:

– Джья-хъуыч. Олаим ушке. Фиравата.

Она вскрикнула, ее глаза открылись. Одной рукой вцепилась в руку миссарца. Другой же держалась за сердце. Девушка приподнялась, укрываясь покрывалом. Флориан поддерживал ее за голову. Свободную руку он положил на ее кисть, которую девушка положила на грудь.

Гинерва не сводила взгляда с Гайера. Он видел, как ее изможденное лицо становилось все спокойнее. Попыталась разрядить обстановку:

– Никогда не слышала, чтоб на арфском говорили с таким ужасным акцентом.

Флориан засмеялся. Она тоже, хоть и слабо.

Тут в палатку заглянул Мак Нерли. Две заряженные пушки готовились бить ядрами по ратнику. Это были глаза рыжего рыцаря.

– Иди вон. Ненужность ты.

Случилось то, чего никто не ожидал. Гинерва залилась краской и выкрикнула:

– Fág dúinn a bheith! Bhí mé tuirseach as do chúram (*арфский общий*. Пошел вон! Я устала от твоей опеки).

Он нахмурился, но отступил. Так и остался входа охранять свою госпожу.

Гинерва сразу после этой резкой фразы изменилась в лице. Внезапный приступ горечи и сожаления захватил ее. Ей хотелось извиниться перед своим старым учителем. Девушка корила себя за эту выходку, но что-то мешало принести извинения прямо сейчас. Нижняя губа задрожала, глаза стали слезиться. Отвернувшись, она отстранила Флориана и жестом приказала ему уйти.

– Благодарю, Флориан. Все хорошо, – с дрожью в голосе сказала ему напоследок.

Гайер встретился с Мак Нерли у шатра. Тот посмотрел на него без каких-либо эмоций. Разговор не состоялся.

Миссарец поднял брошенную трубку, продул ее и снова закурил в темноте.

Из головы никак не выходил этот момент. Как ее женская рука вцепилась в его предплечье. Ее взгляд, ее светлые волосы.

– Это что, искра? – ухмыльнулся он. – Вот так приключение, мать твою.

Он курил и потирал синяк на руке.

Тем временем Гинерва снова лежала на боку. На утро она поставила себе цель: извиниться. И не волнует, кто здесь королевская особа, а кто ее слуга. Мак Нерли для нее не просто слуга, а наставник и верный друг. И нет ничего зазорного в том, чтобы принести другу извинения.

Потом она вспоминала, как Мак Нерли держал ее на руках, когда она только научилась ходить. Или ей казалось, что она это помнит. Но Гинерва знала наверняка, что познакомилась с рыжим рыцарем еще до Конора. Ее любимого учителя и друга.

Ее мысли переключились на другое. Она думала про миссарца, которых их вел.

«Этот Гайер явно выдает себя за другого. И имя его наверняка ненастоящее. Это все равно, что арф будет зваться Цезарем или Марио. Вот Мирко – миссарское имя. Хотя, какой он Мирко! Не крестьянин он, это точно. Может кто-то из беглых дворян? Как в сказке. Сбежавший принц встречает принцессу из заморского края... У него такая ровная осанка. Вот бы снова увидеть его взгляд, почувствовать его прикосновение... Глупая! Глупая девчонка! Что ты себе навоображала? Начиталась глупых книг, наслушалась какой-то дребедени. О, Дио и другие боги! Нет ничего вычурнее в этом мире, чем рыцарские романы».

На этом и заснула.

Глава IX

Поутру Флориан стал свидетелем разговора между Гинервой и Мак Нерли. Он не мог понять ни слова. Но по большим глазам девушки, миссарец рассудил, что та извиняется.

Закончив говорить, она бросилась к рыжему арфу на шею. Тот обнял ее в ответ.

Далее группа ехала лесами, полями, полу-степями, долами, оврагами.

Гинерву впечатляли бескрайние золотые поля Миссары. Особенно в часы заката.

И вот, по расчетам Флориана, идти осталось ровно сутки. Даже с ночлегом. Решив пойти на риск, принял решение идти трактом. Но предупредил путников, что в случае чего придется вернуться на бездорожье.

Уже скоро с ними случилось происшествие.

Они двигались по дороге, по обе стороны были высокие деревья.

Тут с одной из сторон деревьев стало меньше. Перед ними предстал большой пустырь. Проезжие купцы называли это место «карманом» и устраивали здесь привалы. На песчаном грунте были следы кострищ.

Сейчас же на пустыре стоял конь. Возле него всадник. Мужчина копался в седельных сумках. Его одежды были в пыли и грязи. Краем глаза увидев гостей, он обернулся.

Гайеру хватило одного взгляда на лицо, чтобы понять: от этого добра не жди.

– Чего зенки таращишь? – не подвел мужчина ожидание миссарца.

– Смотрю на штуку у тебя под ногами. Век двенадцатый, да?

У ног незнакомца лежал рыцарский шлем времен, когда подвижное забрало еще не изобрели. Позже их кто-то иронично назовет «консервная банка». Шлем напоминал цилиндр с двумя горизонтальными прорезями для глаз и рядом вертикальных прорезей в районе рта. Шлем имел золотые вставки, а в изголовье блестел драгоценный камень.

– Вали отсюда подобра-поздорову, – отрезал незнакомец.

Гайера откровенно злил такой тон. Он остановил коня и продолжил смотреть на мужчину.

– Ты голем или просто тупой? Молчишь? Наверное, и то, и то. Так что будь хорошим песиком – вали. Твоя хозяйка заждалась и те клоуны тоже. Эй, девка, держи своего дружка на цепи, больно любопытный.

На арфах были длинные плащи, и они ехали без шлемов. Один из рыцарей как бы случайно оголил доспех. Мужчина это заметил и переменялся в лице.

– Не боишься грубить незнакомым? – холодно спросил Гайер.

– Откуда мне знать, что вы из благородных? Сперва подумал, что вы бродячие артисты. Так что хотите-то?

– Я спросил про шлем.

– Не историк. Вопросы все? – недолго продержалась его сдержанность.

– Нет, не все. Где взял?

– Бабка твоя подарила. Дров ей нарубил.

Никто не засмеялся.

– Насколько я знаю, этот шлем принадлежал одному из рода Гемееров. И как бы тебе сказать: я хорошо знаком с этой семьей.

– Мне по боку кого ты там знаешь, – крикнул он.

Мужчина агрессивно подался вперед, что-то дернулось на бедре. Это был лисий хвост, прикрепленный к поясу.

Флориан приметил эту деталь.

– Делать украшения можно только из домашней скотины, которую забили для еды.

Мародер потерял голову от злости и окончательно перестал следить за словами:

– Забирай своих клоунов, свою шляху и сам проваливай.

– Оскорблений было более чем достаточно. Выходи на бой. Верхом, один на один.

И не пытайся убежать – все равно догоним – хуже будет.

Рассвирепев, мужчина надел на себя шлем и вскочил на коня.

Гинерва смотрела на Гайера с тревогой. Она не понимала, почему с самого начала нельзя было проехать мимо. Коли они так берегутся встречных путников. Зачем было так долго скрываться, чтобы вот так за чей-то шлем riskовать жизнью? Но кое-что в ее голове стало складываться.

Арфы, любившие дуэли, были заинтересованы в исходе.

Флориан Гайер обнажил меч. Медленно он вел коня вперед, напевая.

*Загорелась во поле калина
Заболело у молодца сердце*

Он оценивал ситуацию. Противник был в шлеме, но тот смешно болтался на голове. Скорее мешал, чем давал преимущество.

Когда два всадника более-менее приблизились друг к другу, бывший командир черных плащей пошел в атаку.

Гинерва нервно сжимала поводья.

Кони рванули вперед и ударились телами. От яростного раша они встали на дыбы. Мародер и Гайер обменивались ударами мечей.

Ни у одного из них не было ни щита, ни лат. И победил бы тот, кто нанесет один-единственный удар. Яростная рубка продолжалась. А животные, пуская пену, брыкаясь и толкались.

Кони снова встали на все копыта. Враги нарезали круги по пустырю.

Тогда грубивший мужчина решил ударить первым. Он попытался зайти сбоку и нанести колющий. Но Флориан отмахнулся мечом, отбив удар. Меч противника по инерции пошел вниз и поцарапал бедро миссарца.

Тот рыкнул от боли и махнул мечом сверху от плеча. Целил в шею, но удар заблокировали. Соперники снова разъехались.

Недолго думая незнакомец снова пошел в атаку. А Гайер лишь выставил клинок. Кажется, исход боя предрешен. Но в тот момент, когда неприятель хотел рубануть по шее Флорианова коня, тот уклонился в бок. За секунду молодой ратник оказался сбоку от оппонента. Он вновь нанес удар правой рукой от противоположенного плеча, опрометчиво открывая бок. В этот раз рукоять меча со всей силы обрушилась на древний шлем. Враг выпал из седла. А его конь тут же кинулся к чаще.

Поверженный соперник выставил руки в сторону скакуна Гайера и вскрикнул:

– Пощады!

Как конь привстал на дыбы и опустил копыто на шлем. Жеребец не просто приземлился на противника. Он осознано вбивал лицо мародера в землю по воле своего наездника.

Проигравший сначала издал оглушающий вопль. А потом его тело как тряпичная кукла подсакивало под натиском ударов.

В висках у Флориана пульсировало.

*Полубила-а-а
Парня МАЛАДООВА-А-А*

Шлем был раздавлен. По песчаной почве растекалась лужа крови.

Арфы холодно смотрели на происходящее.

Флориан спешился. Подошел к шлему и присел на одно колено. Драгоценный камень остался цел и светился фиолетовым. Миссарец без труда вынул аметист из смятой, разорванной стали.

К нему приблизились Гинерва и Мак Нерли.

– Мародерство – это миссарская национальная традиция? – спросила принцесса.

– В данном случае это вовсе не мародерство, – Флориан еще не отошел от боя и с трудом выговаривал слова.

О«Кили холодно смотрела на него:

– Иногда мне трудно понять этот край.

– Прошу прощения, Ваше Величество, но разве в ваших землях этого не встретить?

– Нет, – отрезала она.

– А много ли вы ездили по арфским провинциям? Хотя бы по предместьям королевского дворца? Люди везде одинаковы, Гинерва. И жажда наживы – одно из неотъемлемых свойств рода человеческого. Когда-нибудь вы это поймете. Я же этому воспрепятствовал. Вот только что. И прошу во мне не сомневаться, – речь Гайера прозвучала как вызов.

Гинерва фыркнула и повернула коня. А Мак Нерли задержался взгляд на уставшем воине. В глазах в арфа было что-то вроде солидарности.

– Вы хотите тоже вставить слово, господин рыцарь? – Флориан в этот момент сдернул лисий хвост с пояса мертвеца.

– Понимание, – сухо ответил арф, оставляя ратника.

В руке у Флориана остался рыжий с белым кончиком мех.

– Я сейчас. Мне нужно провести обряд, – бросил он спутникам.

Миссарец немного отошел от поля брани. Кинжалом он вырыл небольшую ямку и положил в нее хвост. Присыпал землей. Потом вонзил меч в землю. Обхватив гарду, приложился головой. В этом положении он читал молитву:

– Не гневись, Природа, на детей своих. Ведь одних Ты делаешь понимающими, других – нет. Ребенок дикого леса отомщен. И я молю: не оставляй нас без твоего тепла и жизни ни теперь, ни после. Не возьму я лишнего от Тебя. Только для продолжения жизни...

Он еще молился какое-то время. Были слова и про острые иглы и про золотой виноград.

Арфы, стараясь не потревожить, приблизились к Гайеру. Их завораживал этот доселе невиданный ими обряд. Хотя и такой знакомый.

Флориан поднялся.

– Нужно оттащить труп в лес, – без эмоций молвил он. – На лошадь я эту падаль класть не стану. Понесу сам.

Ратник стал закидывать тело на плечо. И внезапно в этом ему помог Мак Нерли. Дальше Флориан справился сам. Овраг на краю леса стал безымянной могилой для человека, который не следил за языком.

После этого все они ехали молча.

Глава X

Они снова сошли с тракта.

Флориан размышлял про себя: «Ох, Гинерва. Ты живешь в мире розовых единорогов, которые жуют радугу. Когда-нибудь ты поймешь, что сегодняшние грабежи, войны и насилие войдут в будущие учебники истории как норма жизни пятнадцатого века. Потом будут новые учебники, где все будет сказано точь-в-точь только уже про какой-нибудь век семнадцатый».

Бой не сильно потрепал его. Гайер отделался лишь царапиной. Поэтому обошелся самодельной примочкой из подорожника обвязанной по бедру. При езде она, правда, все время норовила сползти. Поэтому дыра в штанине так и не была заделана: легче было поправлять повязку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.